

Алексей Козлов: «Джазмену дается одна попытка»

Беседа
Владимир Преображенский,
фото автора

Алексей Козлов, руководитель существующего уже более 30 лет ансамбля «Арсенал», — не просто «живая легенда» отечественного джаза. Он оказался у нас в стране фактически пионером таких сложных и интересных направлений музыки, как джаз-рок и фьюжн. Но не менее известен Алексей Семенович и как историк современной музыки и субкультурных молодежных течений.

— Алексей Семенович, меняются ли ваше отношение к господствующей официальной культуре? Ведь в свое время вы были, по сути, диссидентом...

— Я в этом смысле устойчивый — как был антисоветчиком, так им и остался. Но я никогда не выходил на открытую антисоветчину. Хотя сам факт, что мы с «Арсеналом» начали играть арии из рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда», на английском языке пели хиты «Чикаго», играли музыку, которая никак не вписывалась в культуру ВИА, уже показателен. А власти мы напугали тогда еще и тем, что появление «Арсенала» в начале 70-х было вообще качественно новым скачком в существовании музыкального подполья, поскольку все тогдашние подпольные рок-группы были любительскими. Играли все на слух, и — очень простую музыку: «Роллинг стоунз», «Битлз»... Поэтому когда я набирал студентов консерватории, Гнесинского института, и мы за месяц сделали сложнейшую программу и начали выступать — вот тут власти забеспокоились. Стало понятно: за рок взялись профессионалы. То есть раньше размахивали перочинным ножиком, а тут появилось в руках настоящей оружие, меч огромный, отточенный... И это сразу, с одной стороны, напугало, но и привлекло внимание других людей, которые начали нас поддерживать. Например, композитор Юрий Саульский просто спасал нас тогда на различных просмотрах.

— О контактах с зарубежными коллегами тогда, наверное, не могло быть и речи?

— В тот период нам заинтересовался американский посол Уолтер Стессел. Мы только-только начали работать, и он заму министра культуры Демичева письмо написал о том, что будет 200-летие США (это был 1976 год) и что он хотел бы, чтобы ансамбль «Арсенал» выступил на празднике в «Спасо Хаусе», куда пригласили всех наших официальных представителей, всю партийную элиту. Вот тут и выяснилось, что у американцев тоже есть бюрократы. Меня официально вызвали на переговоры с культурным атташе Раймондом Бэнсоном, который был тогда при Уолтере Стесселе. Я вошел к нему, он сказал «да-да, замечательно», но демонстративно оставил включенным проигрыватель с музыкой Листа.

— Вы думаете, намеренно?

— Да, он всем видом показывал, что американские чи-

новники джаз не очень-то приветствуют — это музыка черных, плебеев и т.д. И когда дело дошло до программы, мы решили, что первая часть — это будет история джаза начиная с госпела, диксиленда, свинга, би-бопа, хард-бопа, а во второй части — джаз-рок, фьюжн и кусочки из оперы «Иисус Христос — суперзвезда». А я им предложил еще такой ход — давайте, говорю, сделаем два перерыва и три части. Чтобы не сложилось ни у кого впечатления, что «Арсенал» — это лишь жалкие подражатели западной музыки, мы в третьем отделении будем играть свою музыку, наш, советский джаз-рок. И я подчеркнул, что это для меня принципиально важно. Ведь будут в основном советские чиновники. И они должны услышать, что у нас есть люди, играющие эту музыку не для того, чтобы «разрушить советскую культуру», а для того, чтобы ее обогатить. Это был самый главный момент моего спора со всеми этими начальниками. Я говорил: «Вспомните Петра Ильича Чайковского. Его называли «западником», а сейчас он самый что ни на есть русский композитор, символ русской музыки на Западе».

— Какова была реакция публики на том выступлении и после?

— Реакция была хороша уже тем, что... не было после концерта никакой реакции (смеется). Нам разрешили работать. Но до 1980 года нам и близко к Москве не давали играть. И только когда была Олимпиада в Москве, меня вызвали в Министерство культуры и сказали: «Вы будете обслуживать Олимпиаду». Я говорю: «Как так? Нам же не разрешено играть!» — «Ну, ничего. Сейчас разрешим». И мы играли в Театре эстрады. Иностранцев привозили на автобусах, они удивлялись: «Как! У вас есть такая музыка?»

— А когда советская власть рухнула, нас тут же уволили из Калининградской филармонии, начался такой бардак в гастрольной жизни, что существовать в этих законах стало невозможно.

— Вступили в силу коммерческие законы...

— Да, все разрешили, а за все не осталось вообще — концертных, Дворцов культуры... Как и стадионов. Все было забито попсой ширпотребной.

— Стало быть, свобода культуры нашей пошла не на пользу?

— В определенном смысле она нанесла удар по культуре. И только сейчас посте-

пенно начинает кино возрождаться, а так в основном все поделки какие-то, сериалы про бандитов. А в музыке — так и вообще: «Фабрика звезд», «Народный артист»... Сейчас контркультуры, диссидентского подполья не стало; настоящая культура стала субкультурой, а все остальное пространство накрыла масскультура. Но в субкультуре развиваются тем не менее таланты, они никуда не исчезают. Конечно, большая часть из них гибнет, теряет веру в себя. И мы о них не узнаем... Почему на Западе гораздо больший процент талантливых людей выживает? Их поддерживают.

— Бегают продюсеры по улицам. Ищут талантливых музыкантов...

— Да, платят за них. У нас же никто этим не занимается. Если сам талантливый человек не обладает еще какой-то пробивной энергией, даже наглость себя проталкивать, его может никто и не заметить. А наглость есть далеко не у всех, даже более того — талантливым людям чаще всего это не свойственно. У них, наоборот, очень большая мнительность и т.д. И они часто бросают искусство, теряют всякую надежду. Особенно музыканты. Ведь им нужны условия, нужен зал для репетиций, аппаратура и т.д. У «Арсенала» есть имя, с нами так просто не расправятся. А начинающим как? Они мне дают свои диски, кассеты послушать — потрясающая музыка! Но никто их не знает, кроме какого-то узкого круга людей, которые постоянно ходят к ним на концерты. Есть молодежь, которая просто ненавидит всю эту тусовочную культуру, попсу, все эти «Фабрики звезд» бесконечные. И сказать, что нынешнее поколение — это «пустое поколение», поколение, которое «выбрало пепсы» и «берет от жизни все», означало бы пойти против истины. Есть очень разные молодые люди. Как и в советское время, когда были комсомольцы, которые верили написанному в газетах или делали вид, что верят, а были открытые нонконформисты — «штатники», стилисты, к которым принадлежал в свое время и я.

— Что это были за люди — «штатники»?

— Это были индивидуалисты, ориентированные на прогрессивную западную культуру. И у них, кстати, была склонность к импровизации, к каким-то приколам, и нежелание быть как все. Я помню, как началась эпоха рок-н-ролла, когда он стал модным. А рок-н-ролл, надо вам сказать, по сравнению с Чарли Паркером и Орнетом Комменом — это такой был примитив! Но вдруг эти наши друзья из «золотой молодежи» сразу стали слушать рок-н-ролл. Им лишь бы быть модными! А содержание их уже не волновало.

— А вам тогда категорически рок-н-ролл не нравился?

— Нет, ну я потом его оценил, со стороны, но в то время я слушал би-боп, это была музыка самая сложная, тогда она раздражала даже свиговых музыкантов. Это был авангард, модерн-джаз. И вдруг появляется Билл Хейли, еще до Элвиса Пресли, и все начинают слушать только это и перестают слушать джаз. А мы слушали и Стена Кэнтонна, Чарли Паркера. И только потом, когда «Битлз» появились, я понял, что там уже не все так просто.

— Существует мнение, что если бы «Битлз» возникли в наше время, они не сделали бы в культуре и музыке такой революции, потому что совершенно другая эпоха уже, по-другому устроены мозги у людей. Вы согласны?

— Трудно сказать... Но «Битлз», вопреки распространенному мнению, не были тогда одни такие. «Кингс» были точно такие же, откуда же, из Ливерпуля. Когда было первое «Британское вторжение» в Соединенные Штаты, не только «Битлз» тогда заехали. Были другие британские коллективы. И только благодаря скандальным выступлениям битлов перед королевой в 62-м году они сделались вдруг суперпопулярными. Битломания началась с чего? Это был октябрь 1962 года, когда Джон Леннон пошутил над королевской семьей, сказал на концерте: потрясите бриллиантами, дескать... Это общезвестная история.

— То есть именно с этого в общем-то немзыкального факта началась ажиотаж вокруг «Битлз»?

— Да. И вдруг они стали дико популярными. Причем известно, что они очень долго были не уверены в себе. Например, тот же Ринго Стар говорил: «Немного заработать, открыть парикмахерскую — и все»... Они и не думали, что станут такими звездами!

— Искусство и политика, социум... Как одно влияет на другое?

— Я на своем сайте сделал такую фишку — «Река времени», и там провел массу сопоставлений, наблюдений, откуда сделал вывод, что, конечно, все начинается с глобальных политических, социальных, экономических изменений. Вот когда началась война во Вьетнаме — возникло движение хиппи. И они смогли остановить эту войну. Но, заметьте, кончилась война во Вьетнаме — началась эпоха диско, совершенно беззаботные мальчишки-девочки заплесали, и все стало умирать; и прогрессив рок, и хард-рок, появились псевдо-такие, хеви-метал всякие, эти вот шок-роки, дискотечная пошла культура. Потом в Англии Маргарет Тэтчер пришла к власти, начала какие-то реформы экономические, чтобы спасти страну. Спасибо. Но это сильно ударило по молодежи — она осталась почти без работы, такие были приняты законы. И в молодежной субкультуре тогда появляются панки, и «новая волна» возникает тут же. Как ответная реакция.

— И в мире, и у нас в стране не меньше драматичного в последние годы... А вот культурного взрыва не происходит. Почему?

— Нет контркультуры. Потому что сейчас ни один стиль — в музыке, одежде, манере поведения — не может стать доминирующим, а это очень важно. Стиль — это устойчивая сумма таких признаков, он не может сформироваться сейчас, настолько быстро все меняется, с каждым днем. Нет единой моды у молодежи; это раньше были узкие брюки, потом широкие, джинсы, узкие, потом широкие, волосы длинные, волосы короткие. Сейчас каждый ходит в своем. Мода? Да ее вообще нет. Что ни человек, то своя мода. И нет своей идеологии. А когда нет идеологии, нет ни моды, ни стиля.

— Сейчас есть что-то перспективное в плане моды и стиля, на ваш взгляд?

— В истории культуры есть такое замечательное явление, как «дендизм». Оно возникло в конце XVIII — начале XIX века. Это были молодые люди, такие «тонкочки» в английском обществе, они были законодателями не просто моды, но — особой идеологии. Ее смысл был не в сделав бы в культуре и музыке такой революции, потому что совершенно другая эпоха уже, по-другому устроены мозги у людей. Вы согласны?

еще целый ряд не менее известных людей — уже немодных, но они были как раз денди. И дендизм появлялся, как правило, на смене культурных эпох. Потом в конце XIX века возникло движение Уильяма Мориса, этот стиль в разных странах по-разному назывался, чаще модерн. Это были денди уже конца XIX века. Оскар Уайльд, Уолтер Пейтер, Гюисманс. Это вот были такие денди, утонченные, в некотором смысле такие снобы, пижоны, они стояли в стороне и общество их несколько чуралось, но в то же время приглядывались к ним. В XX веке стало с дендизмом немодно сложнее... Хотя в Америке были, конечно, «битники». Это были денди настоящие, это было потертое поколение. Такое же, какое возникло и после Первой мировой войны.

— Причем их стиль выражался главным образом не в одежде...

— В общем-то и в одежде тоже. Но главное — в манере. Это и Керуак, и Аллен Гинзберг... А до войны это были Ремарк, Хемингуэй. Это было, повторяю, потерянное поколение. То есть поколение тех людей, которых война лишила юности. Когда пришла пора им учиться, они пошли на фронт. И вернулись законченными циниками: видели смерть, учились дальше не могут, сил нет, и никто их не берет на работу. Я видел это поколение в нашей стране после войны. Мне тогда было лет 10. Но я помню этих 20–25-летних, вернувшихся с войны, я учился с такими в институте. Потерянные, обозленные... А потом таким на смену всегда приходило пустое поколение: это тинейджеры, американское рок-н-рольное поколение, особенно — тивское поколение, а потом бит-бит.

— А сейчас может появиться какой-то новый дендизм, который поведет за собой культуру, в частности молодежную?

— Да. Но он никак не может сформироваться, существует пока глубоко в субкультуре. Я сам интересуюсь этим вопросом, поскольку прошел через многие виды молодежной культуры, чаще всего именно дендистской разновидности. И сейчас, я считаю, дендизм распелся просто по видам деятельности. Вот, например, то, что мы делаем с «Арс Ново Трио» — это дендизм чистой воды. У нас такая изощренная программа, с нами поет американский певец Хил Вин, исполнением классики 20-х годов и салонную музыку 20-х годов. И, я думаю, эта вот красота и сложность, которые противостоят примитиву и уродству нынешней музыки «Фабрики звезд», и является самым настоящим эстетическим протестом, то есть контркультурой, оскорбляющей слух потребителей масскультуры.

— Вообще денди во все времена старались быть незамеченными, а модники — наоборот. Это интересное явление, я читал о нем довольно много. И я помню: «штатники», «стиляги» — это были люди, которые, наоборот, эпатировали советский народ: какими-то длинными пиджаками, узкими брюками, галстуками с какими-то голыми женскими и обезьянами. Я одно время, еще школьником, был стильгой, у меня был пушистый желтый пиджак. Не очень длинный, но многих окружающих он просто раздражал. А потом я познакомился уже с группой «штатников», и мы стали одеваться именно в штатские одежды. Это были уже широкие брюки, чуть потерявшие пиджаки...

— Кстати, по поводу стиля. Я, к своему удивлению, встретил информацию о ва-

шем авторском семинаре с неожиданным названием — «Джаз и бизнес». Не могли бы вы немного рассказать о проекте? Вещи, которые на первый взгляд как-то сложно стыкуются в сознании — джаз и бизнес. Как я понял, здесь ключевым оказывается как раз понятие стиля...

— И я рассказываю на этих семинарах о стилях. Я исхожу из такого постулата, что человек, который не различает стилей, не сможет создать стиль и в своем бизнесе.

— Именно музыкальный стиль или вообще?

— Нет, вообще стили в истории искусства: барокко, романский стиль, классицизм, модерн, конструктивизм и т.д. И я очень быстро рассказываю про стили и их связь с социальными процессами. Затем перехожу на стиль, который создал, скажем, Генри Форд, это уже непосредственно бизнес. История брендов: «Дисней», «Пепси-кола», стиль «Браун»... Это уже просто прямое отношение к коммерческому успеху. Если ты хочешь создать крупное направление в бизнесе, но не будешь думать о стиле, успеха не будет. А потом я рассказываю историю яппи. Это уже совсем близко. Наши так называемые «новые русские» — это на самом деле русские яппи. В Америке они возникли в 80-е годы, young urban professional, «молодые городские профессионалы». Это карьеристы такие, с высоким образованием и амбициями, юристы, строители, бизнесмены. И у них возникли новая идеология и свой стиль... Они все время проводят в офисах, работа напряженная, много стрессов. И как следствие — им понадобилась определенная музыка. Так возник нью-эйдж — такой новый стиль, спокойная музыка, не раздражающая, не джазовая, расслабляющая.

Такой доступный, массовый вариант. Но возник целый очень разные слои... Так вот, я говорю далее на семинаре, что связь между джазом и бизнесом прямая. Во-первых, джаз весь построен на импровизационности. Джазмен — как сапер-подрывник, которому только одна попытка дается. Ошибся — значит, все, подорвался. И профессионал-джазмен никогда не должен ошибаться, должен всегда играть верно, сочинять мелодии. Это композитор долго выбирает, пробует один вариант, второй, потом оставляет один вариант, наиболее удачный. А джазмен играет сразу все, без подготовки. И вот среди бизнесменов есть люди, которые склонны к импровизации, а есть те, которые просчитывают все варианты. Но зато когда человек просчитывает, он теряет время, у него нет способности, привычки к ходу принять решение. Он думает: вот, сейчас я просчитаю... А его партнер в это время уже принял решение. Тут возникает своего рода синкопа, акцент на слабую долю. И в джазе все держится на синкопе, и в бизнесе. Вот брокер на бирже, пока все думают, вдруг взял и купил все акции, какие чуть ему подсказало, на секунду раньше, чем другие. Раз — и он обогатился!.. Бизнесмен должен драйвом обладать, но не музыкальным, а каким-то жизненным. И когда человек джаз не знает, его не уважает — это, мне кажется, признак того (это мое личное ощущение), что многого он в жизни не добьется.

Слова

Георгий Гарянин, музыкант, композитор:

— Леша — замечательный музыкант, ищущий, он много лет посвящал джазу, как и я. Правда, в чем-то у нас несколько разные подходы. Например, к концертам, их атмосфере. Он придерживается того мнения, что публику надо воспитывать, например, останавливает концерт, когда «Арсенал» играет, а публика ест и на сцену не смотрит. Я отношусь к этому немножко по-другому. Клуб — это клуб. А на концерт — это, пожалуйста, в зал Чайковского, в консерваторию можно пойти...

— Но мне нравится, что Алексей не стоит на месте. И мне кажется, что история «Арсенала» — это одно, а его собственная — несколько шире. Без него отечественный джаз трудно себе представить.